

— Не считая этих забот с Кравченко, всё шло нормально, и тут... грянул гром, скажем так. Ибо известие, которое я получил из университетского отдела аспирантуры буквально ошарашило меня: из ПГИ, а точнее из Кольского филиала Академии Наук пришла бумага, в которой сообщалось, что КФАН не может взять меня на работу ввиду отсутствия вакантных должностей.

1 декабря 1969 г., Ленинград.

— Милая Сашуленька!

— Ты, наверное, уже знаешь (из письма Б.Е., которое должно было придти в Ладушкин) о наших с тобой новых неприятностях. Моё зачисление в ПГИ под весьма реальной угрозой - в дело, по-видимому, замешаны органы(1). Это известно ещё не на 100 %, но очень похоже, что так. Отчаиваться ещё рано, но готовиться надо ко всему. Сегодня я послал Б.Е. письмо, в котором прошу его ходатайствовать за меня перед президентом КФАН Козловым. Вчера с большим трудом дозвонился до Апатит, но застал только Людмилу Михайловну, она обещала передать Б.Е. мою просьбу поговорить с Козловым. Шансы на успех, правда, невелики... На кафедре на меня смотрят как на тяжело больного, сочувствуют, но помочь не могут. Мне же пока остаётся ждать окончательного решения этого вопроса в ПГИ. Я представляю, каково тебе было обо всём этом узнать, но не расстраивайся очень - как-нибудь не пропадём.

— 10-го числа у меня предзащита. О печатании начисто я договорился с машинисткой, обойдётся, правда, дороговато - от 15 до 20 рублей (15 коп страница). В понедельник с Димой постараюсь отдать на фотографирование рисунки. У Любы с Жоркой всё в порядке, Андрюшка здоров.

— Крепко, крепко целую тебя, моя лапонька. Не унывай.

— Твой Саша.

— (1) То, что "в дело, по-видимому, замешаны органы" - было в этот момент чистой гипотезой, основанием для которой были только мои визиты к Лужбину в начале года. Впоследствии через Б.Е. выяснилось, что инициатива составления упомянутой бумаги из КФАН действительно шла не от руководства ПГИ, а от 1-го отдела. Был ли он информирован о моих ладушкинских похождениях, или не осталось незамеченным моё поведение во время зимней школы в Апатитах, встречи с Подгорным, первоапрельский семинар - так и до сих пор неизвестно. Позже я узнал, что, когда Игорь Кузьмин (начальник "Наири") оформлялся через 1-й отдел ПГИ в заграничную командировку, его спрашивали, как он относится ко мне, хотя я никогда в ПГИ официально не числился - только приезжал в командировки, будучи аспирантом ЛГУ.

— В тот же день, 1-го декабря, Борис Евгеньевич писал мне из Апатит:

Добрый день, Саша!

Я разъехался с Вами - ждал Вас в Ленинграде, потом послал письмо в Ладушкин, но Вы в это время, видимо, ехали в Ленинград. Письмо послал сбивчивое, и если Вы его не получили - не беда.

На меня письмо КФАН произвело очень неприятное впечатление - я даже начал в ЛГУ разговоры о возвращении. Первая реакция относительно Вас была - и не пытаться преодолеть возникшую трудность. Дело в том, что предстоит ещё урегулировать вопросы о супруге и о квартире. Если люди не хотят идти навстречу, то любой пустяк может превратиться в непреодолимое препятствие. Поэтому первой реакцией было - постараться избежать тех мест, где заранее испорчены отношения, и переждать год-другой на

преподавательской работе в новом месте. Что здесь можно было бы рекомендовать - не знаю. Может быть, Калининградский университет, может быть, Тольятти - это надо было бы списываться.

— Однако в общем-то можно посмотреть на вопрос и иначе. Здесь Сергей Иванович (Исаев - директор ПГИ) не принимал участия в составлении письма КФАН, он и не в курсе (едва ли я ошибся), да и не так уж настроен против Вас. Я говорил с ним, стараясь убедить, что нам нужны специалисты, и что следует закрыть глаза на возможное известие. Квартирный вопрос может оказаться более трудным, поэтому я просил о Лопарской, имея ввиду комплекс Лопарская-Мурманск, а не Апатиты. Моя Людмила Михайловна полагает, что Вам со Славой лучше было бы жить в разных городах. Положение дел на сегодня не ясное. Считаю весьма вероятным, что устроиться в Лопарской можно было бы (придётся, конечно, обещать и кланяться); здесь, я думаю, не стоит и пытаться устраиваться - не стоит дразнить начальство, раз уж так получилось. Однако 100 %-ной гарантии нет ни на что, Сергей Иванович обещал узнать. Я ведь и сам узнал всё поздно, а ему сообщил только вчера.

— От Вас требуется, во-первых, чтобы всё с диссертацией было бы в норме, и чтобы ЛГУ Вас отчислял не просто потому, что срок вышел, а потому что Вы сдали диссертацию и выполнили план. После этого ЛГУ должен был бы направить Вас сюда. Смогут ли они выписать направление - не знаю. Возможно, по первому письму и потому, что как-то распределять надо - выпишут. Тогда придётся приехать сюда, хотя твёрдой уверенности в поведении Президиума и нет. Возможно, что-то прояснится заранее, но, может быть, и не выяснится. Думаю, что это было бы даже лучше - больше шансов, что всё кончится благополучно.

— Хотелось бы, чтобы Вы не очень торопились с Сашенькой - мало ли что.

— Положение таким образом представляется скорее неопределённым, чем безнадёжным. Пишите и оформляйте диссертацию - это самое разумное в данный момент. Надеюсь, что возможность устроиться здесь не полностью потеряна, тем не менее, если представится возможность узнать о преподавательской работе - узнавайте, может быть, даже стоит написать, но окончательное решение лучше принять после визита сюда.

— С наилучшими пожеланиями

_____ Брюнелли

---

11 декабря 1969 г., Ленинград.

— Милая Сашуленька!

— Прости, что я сразу не ответил на твоё письмо - эти дни не было ни минуты свободного времени. Но вот теперь можно хоть немного передохнуть.

— Предзащита прошла в общем сносно. Правда, никто ничего не понял из того, что я говорил, а Распопов пытался мутить воду (ведь у него свои "теории"), однако в конце концов к защите рекомендовали, что и требовалось.

— Назначили оппонентов - Ваньяна, Оля и в качестве организации - ИФЗ. Последнее меня не очень-то радует. Как выяснилось, в последнее время Гульельми занимается тем же, что и я, и похоже на то, что отзывы на мои последние статьи писал он. По-видимому, придётся частным образом беседовать с ним, так как отзыв от ИФЗ будет писать скорее всего он.

— Из Апатит пока ничего нового. Возможно, что через неделю я туда съезжу и разведу обстановку. Пока же вопрос о работе висит в воздухе. Ну и чёрт с ним. Прилагаю здесь письмо Брюнелли от 1 декабря. В нём нет ничего конкретного, но во всяком случае Б.Е. теперь считает, что какие-то шансы попасть в ПГИ у меня есть. Я думаю, что пока всё-таки имеет смысл туда стремиться, хотя бы даже на первое время и в Лопарскую. В любом

варианте мы с тобой, конечно, не пропадём, и мне было очень приятно узнать из твоего письма, что ты не падаешь духом, хотя, конечно, и очень расстроена. Нам ведь не привыкать, а бывает и хуже.

— Вчера окончательно выяснилось (после рентгена), что у Андрюшки с ножками всё в порядке, никаких вывихов нет, так что теперь волнения улеглись (1). Правда, мама моя собирается забрать Андрюшку в Севастополь (Любаша поедет с ней лишь на неделю, чтобы постепенно оторвать от груди). Жорка возражает, но переубедить нашу маму в некоторых случаях практически невозможно, тем более, что в данном случае это рекомендуют и врачи.

— Моя диссертация сейчас находится в стадии вписывания формул в чистовые экземпляры. Рисунки сняты на плёнку, печатать, наверное, буду сам. К автореферату ещё не приступал. Да, когда я сдавал рисунки в лабораторию, Димуля их пересчитывал и нечаянно порезал калькой палец, не заметил этого и заляпал штук 20 рисунков кровью. Слава Богу, удалось всё отчистить бритвочкой.

— Димуля за мой день рождения подарил мне шикарно изданного "Фауста" на немецком языке. Самое примечательное в этом издании - около 100 иллюстраций, выполненных различными художниками трёх столетий. В свою очередь, я к его дню рождения (который был отмечен тортом и сухим вином на кафедре) подарил французские драмы (Сартр, Ануи, Ионеско, Адамов и ещё кто-то) на немецком языке - купил в "Мире".

— Из новостей культурной жизни стоит отметить две - роман Кочетова "Чего же ты хочешь?" в 9-11-м номерах "Октября" и "Сказку о тройке" Стругацких в "Ангаре" (№ 4,5). Но об этом при встрече.

— Иринкин рисунок мне очень понравился - как это у неё терпения хватило людей в окошках нарисовать? А как её успехи в чтении? Я рад, что она хорошо себя ведёт. А как бабушка? Ей от меня большой привет. Поцелуй нашу доченьку.

— Крепко, крепко тебя целую.

— Твой Саша.

— 1) Увы, ненадолго - диагноз оказался ошибочным, вывих всё-таки был.

— **10 декабря 1969 г., Апатиты.**

— Добрый день, Саша!

— Я должен выслать Вам отзыв на диссертацию, но его составление требует некоторого, пусть небольшого времени; для ускорения высылаю это письмо без отзыва, отзыв вышлю в ближайшее время.

— Сейчас отчёты. Президиум непрерывно заседает, туда не прорваться. Завтрашний день я должен провести в Мурманске, так что начальство буду искать в конце этой недели или в начале следующей. Не очень надеюсь на успех. Немного удивил Сергей Иванович сообщением, что очень плохо с жильём. Мы говорили о Лопарской и о возможности поселиться там. Можно допустить мысль, что пока не будет урегулирована основная трудность - не очень хотят стараться в преодолении второстепенных. Время сработало не в Вашу пользу - проработки автора известных Вам произведений(1), проводимые в последнее время, конечно, ухудшают обстановку. С этой точки зрения самое лучшее было бы перебраться в район, где раньше не были. Очень будет плохо, если нельзя приостановить дело с Сашенькой (2). Честно говоря, здесь уже дело не в настроениях, и не в гордости, а в более важном. Однако, Ваша фраза о Канониди настораживает, дело ведь, вероятно, не в личных взаимоотношениях.

— Теперь о диссертационных делах.

— Против заглавия я не возражаю, это дело второстепенное. Отзыв вышлю дня через 2-

З, к предзащите он всё равно опоздал. Трудное дело с оппонентами. Ведь мало выбрать оппонентов, их ещё надо уговорить стать оппонентами. Этого не любят, так как времени на разбор диссертации уходит много. Троицкой я напишу, может быть, сумею позвонить. Может быть, проще было бы и наоборот сделать - уговорить Ваньяна стать оппонентом, а Троицкую (ИФЗ) - оппонировающей организацией. Если у Вас была бы возможность съездить в Москву, стоило бы этим воспользоваться и попытаться в личной беседе убедить обоих. Я буду в Москве в середине января, возможно, что Слава будет и раньше, но если Вас Пудовкин мог бы отправить - поезжайте и сами. О результатах переписки сообщу Вам. У нас из-за плохой погоды был перебой с авиапочтой; надеюсь, что сейчас письма будут ходить более регулярно.

___Привет от всех наших. Всё же самое неудачное, что Вы срываете Сашеньку с привычного места.

___Ещё раз привет.

_____Брюнелли

___1) Солженицына - его как раз в это время исключили из Союза писателей.

___2) Б.Е. почему-то решил из моих писем, что Сашенька уже увольняется со станции, но, разумеется, с этим мы не спешили, тем более, что спешить было уже некуда.

___14 декабря 1969 г., Апатиты.

___Дорогой Саша!

___Высылаю, как обещал, два экземпляра записки о выполнении Вами плана работ. Если хотите приехать сюда для отшлифовки автореферата - приезжайте, это может способствовать ускорению работы.

___Что касается трудоустройства, то моё мнение остаётся прежним. Не встречались ли Вы с Вашим отцом, не говорили ли с ним о своих делах (достаточно откровенно, конечно)? Совет пожилого человека был бы для Вас существенен. Возможно, Вы меня не вполне понимаете: ведь и раньше на Вашем пути были достаточно большие трудности, мы ведь предполагали даже, что Вы где-то до года будете жить за пределами Кольского филиала, выжидая удобного с точки зрения жилья момента. Жильё здесь можно понимать в собирательном смысле. Сейчас всё несравненно сложнее. Если начальство расписалось в том, что не хочет Вас брать на работу, то ни с какими просьбами к нему уже обращаться будет нельзя. Зачем ставить себя в такое положение? Зачем стремиться туда, где Ваши права заведомо будут ущемлены и, чуть что, Вы будете первым козлом отпущения: первый кандидат на сокращение, первый на взыскания и последний на поощрения? Зачем это?

___Вы уже привыкли к комфорту, к удобной квартире и сытному обеду. Зачем Вам забираться в условия, где Вас будут ожидать только неудобства и поток неприятностей. В этом и был смысл моего совета. Должен ли я считаться со своим жизненным опытом в меньшей мере, чем с Вашим? Вы ещё молоды и не видели того, что видел я. Я отношусь к создавшейся ситуации как к очень серьёзной, и моё мнение - не стоит искушать судьбу в неподходящее для этого время. Вас посылали на неподходящую с Вашей точки зрения, для Вас работу (1). Если ещё можно переиграть и согласиться - я бы сделал это. Сделав это, Вы попадёте в нормальные условия и можете ожидать обычного к себе отношения. Может быть, Вы можете у отца устроиться, пусть по смежной специальности? Мне очень не хочется, чтобы Вы ехали сюда. В Апатитах Ваше положение (жилищно-материальное) будет довольно безнадёжным, в Лопарской сейчас действительно нет жилья. Главное же в том, что Вы не сможете претендовать на должное к себе внимание и уважение к Вашим интересам. Подумайте об этом и посоветуйтесь с отцом, если представится такая

возможность.

— Если будете в Москве, зайдите в Министерство, в ЛГУ узнайте - куда. Спросите о направлениях. Отработайте положенные 2 года, а потом думайте о переменах. Потеря времени Вам не страшна, но в этом случае всё остальное остаётся неутраченным, даже и надежда попасть в ПГИ, если Вы к этому будете стремиться. Ваш вариант (2) может означать потерю большего, чем просто время, и в Вашем варианте Вы рискуете потерять надежду уже не на два года, а на больший срок.

— Наш с Вами телефонный разговор был прерван по непонятной причине. Может быть, он был слишком продолжительным, а может быть, слишком конкретным, слишком подробным. Я ведь всё должен бы понимать с полуслова, и ни к чему всё называть по имени. Учтите это на будущее: внимательнее всё продумывайте и применяйте непрямую речь. Немножечко от Эзопа.

— Обдумайте всё и постарайтесь посоветоваться с отцом или иным близким Вам взрослым человеком. Постарайтесь стабилизировать положение Сашеньки. Скитайтесь один без неё, пусть хоть она будет на устойчивом месте.

— С приветом

— Брюнелли

— 1) Преподавать в Тольятти в каком-то институте, не помню уж в каком. Мне предлагали это при распределении.

— 2) Самому идти к Козлову и требовать, чтобы взяли на работу, ссылаясь на первое письмо из КФАН в ЛГУ.

— 22 декабря 1969 г., Ленинград.

— Милая моя Сашуленька!

— Надеюсь, что после получения этого письма тебе останется недолго ждать и меня самого.

— Без тебя мне здесь очень трудно, я зверски устал, нервы растрепались окончательно, мучает дикая бессонница, какой я ещё ни разу не испытывал. Так что дальше конца этой недели я здесь не продержусь.

— По оформлению диссертации работы оказалось больше, чем я себе представлял (по количеству времени), а тут ещё Кравченко и полнейшая неясность с моим дальнейшим устройством. Последнее, естественно, больше всего беспокоит меня, ведь время летит. Север определённо не выгорает, Б.Е. пробовал похлопотать и пришёл к выводу, что о Севере мне лучше и не думать. Он написал мне несколько хороших (в смысле - очень доброжелательных) писем, в которых буквально просит меня не лезть на рожон и не настаивать на Севере.

— Трошичев предлагал Иркутск и рекомендательное письмо к Пономарёву, мама предлагает Севастополь, а Лариса Зеленкова - менять нашу квартиру в Ладушкине на их старый дом в Дибунах. Наконец, этот странный "профессор" (1). Есть от чего сломать голову, тем более, что рядом нет тебя.

— Возможность обмена с Дибунами покажется тебе, без сомнения, наиболее заманчивой - но, лапонька, прошу тебя, не обольщайся, хотя бы потому, что дом стоит в очереди на снос, и неизвестно, разрешат ли его менять. Этот вариант ничего не меняет в смысле твоего и моего трудоустройства, но я же знаю твою сокровенную мечту о ленинградской прописке. На всякий случай попытайся выяснить (может быть, у Лии) - разрешат ли обмен в Ладушкине, и какие нужно оформлять бумаги. Витя Зеленков наводит соответствующие справки здесь. Но ещё раз прошу, лапонька, - настраивайся на маловероятность этого варианта, ведь нам с тобой разочарований и так хватает. Разведку же провести, конечно,

стоит, и в этом смысле следует поторопиться. Ну, а подробности всех наших дел обсудим при встрече, которую я жду, как никогда...

—Крепко, а лучше нежно целую тебя, моя любимая. До скорой встречи (постараюсь прилететь в субботу).

—Твой Саша.

—P.S. Нашей доченьке я купил 5 диафильмов, может, сумею купить ещё. Её я, конечно, тоже целую и бабушку тоже.

1) P.B. Гострем, но о нём позже.

—А в тот же день, 22 декабря, Б.Е. писал мне из Апатит:

—Добрый день, Саша!

—У нас был Пудовкин, привёз письмо от Вас. Когда он уезжал, то о Вас мы в сущности ничего нового не знали и опирались лишь на субъективные ощущения. Сейчас я уже знаю достаточно. Козлова я не видел - его здесь нет, и к нему я не пойду. Это ничего не даст ни Вам, ни мне, ничего хорошего, во всяком случае. По существу я говорил по второму из указанных в одном из Ваших писем адресу (1). Сказали, что обращаться к Козлову бесполезно. Вы достаточно знамениты. Ваше имя не называлось, но не возникло сомнений, что обе стороны знают, о ком идёт речь. Сюда Вам ехать незачем, однако в других местах (в подавляющем большинстве мест) можете работать беспрепятственно. Работать у отца, вероятно, тоже не получится - работ, требующих дополнительных документов (2), надо будет избегать. Возможно, что в связи с этим придётся отказаться от исследовательских работ - все они, как правило, связаны с дополнительным оформлением. Дело клонится к тому, что придётся искать именно преподавательскую работу. Одним словом, я точно знаю, что здесь Вы не устроитесь. Подозреваю, что вопрос о Вас обсуждался достаточно подробно, и что решение об отказе принято не под влиянием минутного настроения. Подозреваю, что дело сложнее, чем можно было думать на основании того, что вы все мне рассказывали. Подозреваю, что сработало не одно, а по крайней мере два независимых события, но каких именно - я не знаю. Может быть, это уже и не так уж интересно, только Вам-то впредь надо быть осторожнее и подумать о том, что дело не только в литературном любопытстве, но и в чём-то ещё, где-то ещё Вы допустили столько же небрежности, как и в первом случае.

—Мне хочется, Саша, чтобы Вы извлекли все те выводы, какие можно извлечь из того, что с Вами случилось. Все говорили, в том числе и на кафедре, что Вы очень бравируете. Вероятно, перехватили.

—Тем не менее - надо жить и работать. Пишите, как с диссертацией.

—С приветом,

—Брюнелли

1) 1-й отдел.

2) Допуск к секретным делам и документам, необходимый во многих НИИ.

—Ну, вот и подошёл к концу год 1969-й, весёлый. А с ним заканчивался и целый этап моей жизни - студенчество, аспирантура - связанный с Ленинградом вперемешку с Ладушкиным и Апатитами. Итогами учёбы я мог быть доволен. Прошло лишь три года с окончания вуза, а у меня уже была готова диссертация - обычно же на кандидатскую диссертацию уходит 4-5 лет с момента выбора темы, а часто не сразу и тема определяется (вне аспирантуры).

—Но что дальше? Север накрылся.

—Куда ж нам плыть?

([продолжение следует](#))